

Раздел 1.
ЛЕКСИЧЕСКАЯ И КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА.
СЛАВЯНСКАЯ АСПЕКТОЛОГИЯ

УДК 81'276, 11-25:801.8

Г. Ю. Богданович

**ЯЗЫКОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
ЕЩЕ РАЗ О ДИСКУРСЕ И ТЕКСТЕ**

Проблема соотношения языка, сознания и действительности — предмет постоянного интереса философов, психологов, лингвистов

Актуальность. Сознание в проекции на лингвистическую науку включает факторы вербализации мыслительного процесса, восприятия слова (семантика, коннотация, сфера употребления), диалогичности (автодиалог, общение с другими людьми). Структуры сознания выражаются в знаковой форме, фиксируются в устойчивой системной организации языка. Языковая природа сознания сводит весь универсум культуры к набору дискурсивных практик, а порождаемые при этом тексты воспринимаются как коренные феномены человеческого существования.

К постановке проблемы. Теория текста (принцип текстоцентричности), рассмотрения языковых единиц явилась основополагающей для конкретизации и расширения представлений о функционально-коммуникативной роли русского языка.

Представим краткий обзор подходов к изучению текста.

В “Кратком словаре терминов лингвистики текста” Т. М. Николаева предлагается следующие характеристики текста: 1) текст как связная последовательность, законченная и правильно оформленная; 2) некоторая общая модель для группы текстов; 3) последовательность высказываний, принадлежащая одному участнику коммуникации; 4) письменное по форме речевое произведение [12]. Но выделенные 4 значения не разграничивают инвариант и фактуальное; некорректно связывают текст с одним участником коммуникации; соотносят текст только с последовательностью высказываний; абсолютизируют его письменную реализацию.

В связи с коммуникативной переориентацией лингвистики текста последний определяется одновременно как посредник, средство, процесс и цель коммуникации. Коммуникативно-ориентированные дефиниции текста описывают

его либо как обособленный компонент коммуникации, срединный элемент схемы коммуникативного акта, либо как неотделимое от коммуникативного процесса, “характеризующееся коммуникативностью предметно-знаковое состояние системы коммуникации” [15, с. 55].

В обеих дефинициях есть рациональное зерно, т. к. текст – 1) материальное знаковое образование, эмпирически осваиваемое; 2) коммуникация на основе текста органично сопрягает его с процессами порождения и рецепции.

Е. А. Селиванова выделяет ряд причин, обуславливающих отсутствие единой дефиниции текста [14]. Первая — формально-структурная разноплановость текстов. По способу репрезентации текст разграничивается на устный и письменный, хотя нередко текстом называют лишь письменную разновидность.

По протяженности текст может ограничиваться словом, словосочетанием и предложением, если они представляют целостную, самодостаточную информацию, ситуативно обеспечивающую понимание ее адресатом, максимально же его состав не ограничен. При формально-структурном изучении текста стержневые понятия для его дефиниции избирались из состава уровневых единиц языковой системы.

Второй причиной отсутствия данного определения текста является функционально-жанровое, стилистическое разнообразие текстов. Каждый текст в процессе коммуникации манифестирует определенный речевой жанр, имеет особую структурно-композиционную, семантико-смысловую, интенционально-прагматическую природу.

Для художественного текста, например, наиболее оптимальным считается определение И. Р. Гальперина: текст как “произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку” [5].

Художественный текст называют наивысшей формой репрезентации текста, отмечая его особую эстетическую природу, идейно-художественную интенционность, ориентацию на морально-эстетическое воспитание и эмоционально-психологическое воздействие. Кроме того, художественные тексты в реальной жизни культуры, как правило, полифункциональны: “Один и тот же текст выполняет не одну, а несколько функций... Соединение художественной функции с магической, юридической, нравственной, философской, политической составляет неотъемлемую черту социального функционирования того или иного художественного текста” [8, с. 21-22]. Тем самым критерий интенционально-прагматической заданности даже для художественного текста не дает возможности односторонне охарактеризовать этот тип.

Третья причина разнообразия текстовых дефиниций (по мнению Е. А. Селивановой) — в различии подходов к изучению текста. З. Я. Тураева рассмат-

ривает 5 таких подходов: онтологический, отражающий характер существования текста, его статус; гносеологический, выявляющий характер отражения объективной действительности в тексте, а в случае художественного текста — характер отражения реального мира в идеальном мире эстетической действительности; собственно-лингвистический, основанный на характере языкового оформления текста; психологический, обращенный к характеру восприятия текста, и прагматический — к характеру отношения автора текста к действительности, к содержательному материалу [16, с. 17].

Поместить все признаки в одну — синтетическую — дефиницию понятия “текст” представляется не только невозможным, но и ненужным, ибо все эти признаки в той или иной мере рассматриваются при анализе каждого аспекта и основным параметром текста как явления каждый раз выступает разный (Н. Ф. Непийвода).

Четвертой причиной разноплановости текстовых дефиниций является абсолютизация его формально-структурной стороны, а также ориентация определения текста на одну или несколько категорий.

Е. А. Селиванова, соглашаясь с мнением Е. Сидорова (“оказывается, далеко не просто выбрать какой-то один определяющий качественный признак текста, на основе которого можно было бы свести все разнообразие отдельных текстов к одному понятию”), презентует следующую дефиницию: “Текст — целостная семиотическая форма психоречемыслительной человеческой деятельности, концептуально и структурно организованная, диалогически встроенная в интериоризованное бытие, семиотический универсум этноса или цивилизации, служащая прагматически направленным посредником коммуникации” [14, с. 29.].

По свидетельству ученых, дискурс одной своей стороной обращен к внешней прагматической ситуации, другой же — к ментальным процессам субъекта: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям понимания и порождения речи [7].

Таким образом, можно говорить о “вплетенности текста в жизненную ситуацию, о дискурсе как речи в контексте субъективной реальности и объективной действительности, речи, погруженной в жизнь, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие, как компонент взаимодействия внешней действительности, внутренней психической реальности и знаково-символической системы, дающей описание первой, преломленное через вторую” [7, с. 80].

Что же такое дискурс? “Дискурс (от фр. discours — речь) — связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах).

Дискурс — это речь, “погруженная в жизнь”. Поэтому термин “дискурс”, в отличие от термина “текст”, не применяется к древним и др. текстам, связи

которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно” [18, с. 126-127].

Контекст дискурсов моделируется в форме фреймов (под которыми понимаются типовые ситуации) или сценариев (описывающих развитие этих типовых ситуаций). Поэтому для разработки теории дискурса особую значимость приобретает изучение фреймов и сценариев, с одной стороны, а с другой, обращение к ментальности, точнее, к ментальным процессам участников коммуникации.

Если под текстом понимать преимущественно абстрактную, формальную конструкцию, то дискурс будет представлен различными видами ее актуализации, рассматриваемыми с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами [6].

Анализ дискурса следует понимать как междисциплинарную область знания, которая может быть выполнена в основном описательным или экспериментальными методами. Дискурс-анализ обращает особое внимание на специфические правила ведения коммуникации в условиях публичной политики, этнометодологическое изучение дискурса предполагает обращение к культурной составляющей общения. Дискурс может рассматриваться как совокупность дискурсивных практик, т. е. тенденций в использовании близких по функции альтернативных языковых средств выражения определенного смысла.

Научный дискурс сплошь интертекстуален, целиком покоится на “чужом слове”, и это качество в традиционном подходе получает отражение в выделении “языка науки”. Герметичным является и официально-деловой дискурс, вполне оконтуренными “коммуникативными фрагментами” наделен и дискурс публицистический [13, с. 61].

Исходя из языковой практики повседневного общения и мышления, строит, в первую очередь, лингвистику языкового существования Б. М. Гаспаров, напоминая, что разговорный дискурс отмечен среди других стратегий забывания, так что “ассоциативный фон”, если он возникает, связан скорее не с текстами, а с конкретными ситуациями, входящими в личный ресурс носителя языка, так что сами по себе коммуникативные фрагменты, составляющие плоть обыденной разговорной речи, в той же степени “чужие”, сколь и “ничьи” [13, с. 61]. “Однако сложнее обстоит дело, — отмечает О. Г. Ревзина, — с той интертекстуальностью, которая выходит за пределы коммуникативных фрагментов и в минимальной степени опирается на конкретную материальную форму, например определенные синтаксические структуры, сюжетно-повествовательные схемы, даже ритмические структуры” [13, с. 61].

Языковое сознание не может рассматриваться как единый шаблон, одинаковый у всех носителей языка. При этом существуют общие закономерности работы языкового сознания, “личностный фактор” всегда сохраняется и для интертекстуальности — и на бессознательном, и на сознательном уровне — основывается всегда на индивидуальном фоне знаний.

В связи с этим можно выделить общие закономерности языкового мышления и бытового дискурса в социуме. Таковыми являются: 1) языковое высказы-

Раздел 1.

10 Лексическая и категориальная семантика. Славянская аспектология

зывание, предназначенное для передачи исходной информации о мире; 2) семантическая интерпретация текста, которая является следствием освоения языкового общения (текста): вербальные структуры текста подвергаются трансформациям различного уровня обобщения и выступают как семантические эквиваленты отдельным высказываниям или частям высказываний, отдельным текстовым фрагментам.

Кроме того, жизнь в дискурсе формирует в сознании языковой образ, основанный на общих характеристиках, нередко просто частотных для данного и подобных данному в том или ином отношении текстов.

Человек живет в мире текстов. Тексты эти разнообразны по содержанию, по жанрам, тематическим сферам, объему, необходимости многократного обращения к ним или разовому их использованию, а также по большому числу иных своих характеристик.

Тексты понимаются нами не только как лингвистический, но и как социально-психологический и культурный феномен. Культура при этом рассматривается не просто как смежная с лингвистикой наука, а как феномен, без глубокого анализа которого нельзя постичь тайны языка и текста.

Под художественным текстом нужно понимать коммуникативно-направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявляемой в процессе восприятия [17, с. 15].

С коммуникативной и психологической точки зрения текст всегда создается для кого-то, и даже его создание, “с целью самовыражения”, является текстом с коммуникативной направленностью.

Повседневному общению так же, как и литературной коммуникации, “присущи такие прагматические параметры, как автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный эффект (эстетическое воздействие)” [1]. Таким образом, всякий текст нуждается в читателе (слушателе), и в этом сказывается диалогическая природа сознания как такового: “Чтобы работать, сознание нуждается в сознании, текст — в тексте, культура — в культуре” [1].

Коммуникация — это особая форма человеческой деятельности. Ключевым понятием коммуникативной лингвистики является понятие деятельности. Именно в коммуникации с наибольшей полнотой и глубиной раскрываются онтологические свойства языка и текста.

Текст — это динамическое коммуникативное образование высшего порядка. В процессе коммуникации текст как бы раздваивается на текст автора и текст реципиента (воспринимающего), хотя материальная форма текста здесь едина. Отсюда и возможность двойного его изучения.

Интенсионная понятия “текст” включает в себя такие необходимые мета-единицы, как “целостность” (цельность) и “связанность” (Т. М. Николаева). Квалификация текста как художественного требует дополнительных характеристик. Это “динамика смыслообразования” в концепции Ю. М. Лотмана и “интерпретативность” Г. Г. Гадамера, рождающая “текст — чтение” в концепции Р. Барта. Но и эти характеристики представляются производными от ба-

зового свойства художественного текста, которое можно назвать “автореферентностью” [17, с. 18-20].

Автореферентность художественного текста проистекает из его сложных отношений с объективной действительностью, преломленной действительностью субъективной — сознанием автора. Состоит она в том, что референт художественного текста находится внутри его и представлен в форме виртуального означаемого, нелинейного (симультанного) по своей природе. Художественный текст “сам себя зиждет” [4].

Филологическая интерпретация художественного текста отличается от собственно лингвистической и литературоведческой [10]. Интерпретация базируется на понимании текста и является вербализацией его толкования.

Для построения теории понимания художественного текста важным является, с одной стороны, соблюдение герметичности текста, т. е. запрет на привнесение в текст тех смыслов, которые являются результатом не мотивированных единицами текста ассоциаций, с другой — признание текста самодостаточным квантом дискурса.

Будучи принципом научного подхода к объекту анализа, дешифровка текста сосуществует с его интерпретацией читателем, подобно тому как в культуре, наряду с научной, существует и наивная, обыденная картина мира, которая не оценивается с позиций правильности, а описывается в режиме констатации.

В качестве метода моделирования художественного текста может быть предложено построение текстовых парадигм, гипертекстовых (сверхфразовых) по своей сути, отражающих нелинейные ходы воспринимающего сознания по тексту и создающих семантическое пространство двух типов: с логическим и сублогическим основаниями. В основе сублогических текстовых парадигм лежат две формы подобия: “аналогия” и “симпатия” (М. Фуко). Эмоциональное переживание субъектом различных вещей позволяет построить текстовые парадигмы, центром которых является эмоционально-оценочный предикат (аксиологические парадигмы).

Текстовая деятельность все более кристаллизуется в самостоятельный вид деятельности с “внутренними”, реализуемыми в рамках знакового общения мотивами и целями коммуникативно-познавательного и эмоционального свойства. Реализация названных мотивов и целей той материально-практической деятельности, с которой текстовая деятельность соотносится, осуществляется порой не непосредственно, а в крайне опосредованной форме [6].

Текстовая деятельность (по П. Я. Гальперину) трехфазна: 1) ориентировка, состоящая в специфической по содержанию и направленности интеллектуально-мыслительной активности, предполагающей осмысление проблемной ситуации общения, и предмета коммуникации — коммуникативного намерения (замысла общения), мотивирующего текстовую деятельность, диктующего содержание и структуру планируемой к реализации в тексте коммуникативно-познавательной программы.

Представляется разумеющимся, что такое осмысление включает в себя соответствующее эмоциональное переживание и оценку (Таким образом, апроцессуальное содержание ориентировочного этапа текстовой деятельности не совпадает с процессуальным содержанием аналогичного этапа речевой деятельности, которая, согласно психолингвистической теории, практически сводится к поиску речевых средств на послезамысловой фазе текстообразования). Сюда же входит поиск путей и способов наиболее адекватного воплощения коммуникативного замысла и отвечающей ему “аргументации”; 2) исполнение, состоящее в материализации общения с привлечением средств той или иной семиотической системы (языка); 3) коррекция (контроль), состоящая в отработке как самого замысла общения, так и способа его материализации в тексте [5].

Предметом текстовой деятельности является коммуникативная интенция обучающихся, т. е. не смысловая информация, цементируемая замыслом, коммуникативно-познавательным намерением.

В качестве мотива - цели текстовой деятельности может рассматриваться стремление к реализации определенного, т. е. поддающегося содержательной интерпретации, коммуникативно-познавательного намерения (интенции, замысла), а в качестве действий могут рассматриваться конкретные акты осмысления и операции с применением мнемостических средств (т. е. средств памяти), с одной стороны, средств предиктирования, т. е. выражения с использованием того или иного конкретного языка, с другой.

Восприятие текста как речевой единицы (а также его тематической структуры) идет через осознание его как комплексного речевого акта со всеми его компонентами: участниками текстовых событий, их мирами, взаимоотношениями и взаимосвязями. Косвенно к этому миру на самом верху его иерархической пирамиды относится автор и его мир. При восприятии текста, известно, выявляются такие компоненты речевого акта, как время и место событий.

На заключительном этапе за вербальными оболочками осознаются иллюкутивные смыслы, т. е. цели, которые ставятся, решаются и достигаются в рамках текстовой реальности, а также степень интенсивности их реализации в вербальной и просодических структурах. Современная теория текста выявила основные текстовые категории, реализующие указанные выше компоненты, это в первую очередь категория антропоцентричности.

В научном лингвистическом тексте связь с человеком опосредована и обобщена, проявляется в интертекстуальном плане, в так называемом горизонтальном тексте. “Другие компоненты текстового речевого акта реализуются в категориях темпоральности, проспекции, ретроспекции (время), текстовом континууме (пространственно-временной план, хронотоп). Иллюкуции и их интенсивность реализуются через категории модальности (прагматичности), цельности и завершенности, когезии и когерентности. Завершает пирамиду категория информативности как прагматически ведущая, поскольку целью чтения любого текста является извлечение информации о мире, включающей миры, существующие в ментальной сфере людей.

Информативность определяется как прагматически ведущая, потому что она как бы вбирает все иллокуции, центром которых является авторское видение мира.

Известно, что авторский замысел не выражается эксплицитно. Его выявление — результат сложной ментальной работы. Читатель, знакомясь с текстом, сопоставляет изображаемое в его сознании с фреймами и сценариями, относящимися к описываемому фрагменту мира.

Порождение текста рассматривается современной психолингвистикой сквозь призму концепции мотивированности речи и фазово-ступенчатой природы речепорождения. Первым уровнем в деятельностных моделях порождения речи является уровень мотива. Л. С. Выготский писал: "...порождение речи осуществляется от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем — в значениях внешних слов и, наконец, в словах" [3, с. 375].

Мотив речепорождения формируется как неосознанное побуждение на грани его предсознания-установки. Если мотивы — это "основная побудительная сила в психической деятельности, ... познавательно-эмоциональная психологическая система, выполняющая функцию регулятора поведения", то установка — это состояние, также предшествующее сознательным психическим процессам, но влияющее на их протекание. возникновение которого зависит от потребностей, действующих в данном организме, и от объективных уровней, уровней удовлетворения этих потребностей [14, с. 77].

Мотив — это психологический образ будущего текста, а установка — предсознанная готовность, предвосхищение коммуникативной деятельности, детерминированное ситуацией, адресатом, и детерминирующая речевое действие, манеру поведения; избрание же стиля, способа осуществления программы, т. е. превербальное осознанное когнитивное намерение речи, — это интенция. Дж. Серль усматривал в интенции "главную составляющую сознания и то свойство многих ментальных состояний и событий, посредством которых они направлены на объекты и положения дел внешнего мира" [14, с. 78].

Г. Эйгер и И. Шевченко выделяют следующие элементы в структуре интенции: 1) формирующееся на основе того или иного мотива осознанное намерение, желание добиться определенного неречевого эффекта; 2) необходимость произвести определенные речевые действия для достижения намеченной цели; 3) конкретную мотивировку речевого действия как непосредственный "толчок", побуждение к совершению интендируемого речевого акта.

В. П. Белянин считает, что мотив создания текста может выходить за пределы реально существующей ситуации и отражать разнообразные представления автора текста о затекстовой ситуации. Установка (цель) направляет эти мотивы в конкретную дискурсивную ситуацию, интенция же выступает непосредственно осознанной речекоммуникативной целью, предваряющей создание текста и обуславливающей стратегическую программу формирования целостного текста или высказывания.

“Коммуникативной цели подчиняются все другие параметры текста, в том числе коммуникативная стратегия, которая представляет собой (по мнению Н. Ф. Непийводы) тот план действий, который употребляется автором для достижения своей цели. Стратегичность речи обусловлена особенностями адресатов и учитывает их возможные типы реагирования [14].

Интенция и стратегии обуславливают формирование ментальной структуры текста — замысла будущей его схемы. Е. С. Кубрякова отмечает важность в формировании замысла роли процессов мышления с их предметным содержанием, в отличие от формирования мотива, обусловленного человеческими эмоциями.

Выводы. Замысел является когнитивной основой внутреннего программирования, на этом этапе текстопорождения формирующаяся мысль разбивается на отдельные составляющие. Это этап подготовки мысли к объективации, связанный с поиском схемы будущего высказывания и его языкового типа.

При создании целостного текста на этапе внутреннего программирования из языковой компетенции и дискурсивного сознания адресанта извлекаются прототипический образец-текстема и ее дискурсивный коррелят — речевой жанр. В соответствии с законами жанра, интенцией и стратегией, на этапе перехода к внешней речи когнитивная схема получает реальное языковое оформление.

В зависимости от типа речевого жанра, стратегической программы адресанта, обусловленный адресатом и ситуацией общения, одна и та же информация может иметь разную вербальную кодировку.

При порождении письменных текстов осуществляется дополнительная, осознанная корректировка их вербального плана (редактирование). Переход от внутреннего программирования к внешней речи (тексту) осуществляется на этапе речи при переводе программы на объективный код на основе координации и интеграции всех языковых уровней с учетом механизма контроля: дискурсивного контекста, рекурсивных связей, установок, интенций и т. д. “Оперируя текстами по нормам коммуникации, присущим определенной культуре, субъект присваивает этот опыт, внедряет его в собственное сознание. Тем самым он понимает текст” [14, с. 87].

Язык как порождение этнического антропоцентрического диалога с бытием так же диалогизирует с коммуникантами, как и они с ним. Владение человека словесным и изобразительным языком и одновременное их использование в дискурсивной деятельности есть не что иное, как диалог с языковыми стереотипами, с чужим словом. По словам М. М. Бахтина [2], коммуникант пленен ими, ибо система языка есть знаковое хранилище человеческого опыта, знаний, культуры. Порождая текст, человек вступает в диалог словесного и изобразительного языков, которыми он владеет. М. М. Бахтин подчеркивал: “Познанный мир необычайно расширился, изменился, обогатился, дифференцировался за тот период времени, в течение которого язык почти не изменился” (имеются в виду фонетическая и грамматическая подсистемы языка) [14, с. 152]. Другими словами, это свидетельствует о том, что мышление, свобод-

нос от языковых структур, с участием иных функций сознания является потенциалом как языкового, так и человеческого развития. Ученый связывает неизменность языка и изменчивость мира с появлением контекстуальных значений языка, исходящих из свободного от языка мышления, ибо, действительно, “именно в контексте возникают благоприятные предпосылки для изменения прагматического значения, интегрированного с семантикой языковой единицы” [11].

Замкнутость в языковом круге стереотипов неизбежно обусловила бы столкновение системы и среды, приведшее к разрушению системы или к поглощению среды. Диалогизируя с бытием, адресат и адресант порождают и декодируют текст, вступая также в диалог с семиосферами человеческой культуры, искусства, науки, литературы. Как подчеркивал Ю. М. Лотман, семиосфера, неуклонно расширяясь в пространстве на протяжении веков, приняла ныне глобальный характер, при этом сохранив целостность универсума. Причиной этой целостности является то, что в основе всех коммуникативных процессов лежит инвариантный принцип, допускающий увеличение внутреннего разнообразия семиосферы [9, 1: с. 20].

М. М. Бахтин моделирует возможность влияния текста на последующую культурную традицию, что отражается как на будущих речевых жанрах, так и на всем последующем развитии литературы и культуры: “Произведение — звено в цепи речевого общения; как и реплика диалога, оно связано с другими произведениями — высказываниями — и с теми, на которые оно отвечает, и с теми, которые на него отвечают” [2, 5: с. 178].

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Событие. Оценка. Факт. — М.: Наука, 1988. — 338 с.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7 т. — М.: Русские словари, 1996.
3. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. — М.: Учпедгиз, 1956. — 402 с.
4. Гадамер Г. Г. Истина и метод: Основы философии герменевтики. — М.: Прогресс, 1988. — 699 с.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981. — 385 с.
6. Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике (когнитивные аспекты). Вып. XXIII. — М.: Прогресс, 1988. — 315 с.
7. Калина Н. Ф., Черный Е. В., Шоркин А. Д. Лики ментальности и поле политики. — К.: Агрпромидав України, 1999. — 184 с.
8. Лотман Ю. М. Текст у тексті // Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. — Львів: Літопис, 1996. — С. 21-22.
9. Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. — Таллин: Изд-во Александр, 1992.

10. Маслова В. А. Филологический анализ художественного текста — Минск: Універсітэцкае, 2000. — 173 с.
11. Минкин Л. М. Аспекты синтезированной теории прагматики // Вісник Київ держ. лінгв. ун-ту. Сер. Філол. — К., 1998. — Т. 1. — № 3.
12. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1978. — Вып. 8. — С. 34-97.
13. Ревзина О. Г. Лингвистические основы интертекстуальности // Текст. Интертекст. Культура: Материалы международной научной конференции/ РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2001. — 192 с.
14. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. — К.: ЦУЛ, “Фитосоцицентр”, 2002. — 336 с.
15. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. — М.: Наука, 1987. — 211 с.
16. Тураева З. Я. Лингвистика текста на исходе второго тысячелетия // Вісник Київського лінгвістичного університету. Сер. Філологія. — 1999. — Т. 2. — № 2. — С. 17.
17. Чернейко Л. О. Художественный текст как объект филологической интерпретации // Текст. Интертекст. Культура: Материалы международной научной конференции/ РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2001. — 192 с.
18. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2004 г.

УДК 801.55

Е. Н. Сидоренко

О МЕСТОИМЕНИЯХ ДА И НЕТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Местоимения представляют собой особый класс слов, отличающийся по семантике и грамматическим свойствам как от знаменательных, так и от служебных частей речи*. Количественная “бедность” прономинальных средств в сравнении с соответствующими номинативными объясняется высокой степенью абстрактности и унификацией первых. А. М. Пешковский в свое время совершенно справедливо писал о них: “Местоимения из-за своей отвлеченности везде являются “нарушителями” порядка, везде создают особые подрубрики, особые комбинации, особые случаи. И своеобразие этих случаев, как бы они ни были разнообразны, в конечном счете сводится к своеобразию самих местоимений” [Пешковский, 1938, с. 167].

* Местоимения, или прономинативы, мы рассматриваем в широком понимании термина, то есть включаем в их состав не только изменяемые слова, но и так называемые “местоименные наречия”.